

18+

Юрий Мудренко

**ДЕНЬ ДОСПЕХОВ
И Т. Д.**

Юрий Мудренко

День доспехов и т. д.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51785970

ISBN 9785449847799

Аннотация

Герои данной книги служили в Вооружённых Силах огромной страны, и всем им есть, что вспомнить о том времени, когда они носили офицерскую форму, имели в распоряжении личное боевое оружие и руководили маленькими и большими воинскими коллективами. И всё же, не взирая на колоссальную ответственность, строгий воинский распорядок, бесконечную череду армейских будней, все они оставались людьми, которым ничто человеческое не чуждо.

Содержание

Пролог	5
1. Дежурство	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

День доспехов и т. д.

Юрий Мудренко

© Юрий Мудренко, 2025

ISBN 978-5-4498-4779-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Несмотря на максимальную реалистичность описываемых событий, на исключительную правдоподобность жизненных ситуаций, а также на щекочущий нервы читателей лихой сюжет, ПРОШУ УЧЕСТЬ, что все действующие лица и события вымышлены. Любое сходство с реальными людьми и событиями является случайным.

1. Дежурство

Парадную форму одежды, начищенную, надраенную и образцово-показательно отглаженную утюгом, обычно надевают по случаю торжественных мероприятий, например, парада или общеполковой вечерней поверки. Цвет морской волны парадного кителя и брюк прекрасно сочетается с белоснежной рубашкой, у которой накрахмален воротник, чёрными хромовыми сапогами с блестящими отлакированными голенищами, чёрным галстуком с позолоченной заколкой, позолоченными аксельбантами, медалями и орденами во всей красе, и главное – с золотыми офицерскими погонами, на которых весьма комфортно размещаются золотые звёзды. Парадный ремень с позолоченной пряжкой и парадная офицерская фуражка дополняют сей мужественный образ, а белые перчатки, положенные по этикету в столь торжественный момент, его завершают. Всё это обмундирование готовится накануне праздника, ведь ничто не может омрачить общего приподнятого настроения, а строй части в одинаковой униформе должен поднимать боевой дух и будить в душах только положительные эмоции. И дурным мыслям здесь не место.

Другое дело – повседневная форма одежды, которая более привычна взору. Она хоть и вызывает уважение у граждан и трепет в женских сердцах, однако более уместна в обыч-

ной жизни, тем более что над ней не трясёшься так, как над парадной, не сдуваешь пылинки, да и не хранишь в шкафу под замком, как драгоценность. Потом она более практична уже в силу своего монотонного зелёного цвета, где только красный кант на брюках, да всё те же золотые звёзды выдают твою принадлежность к определённой касте людей, чей ритм жизни, её ритуал и особенности коренным образом отличаются от ритма жизни тех, кто может позволить себе недопустимые для закрытого общества вольности. Иными словами, эти другие тебя не понимают, да и не смогут понять никогда, ведь чтобы это всё осознать, нужно ни много, ни мало, как самому побывать в этой шкуре. Напялив же на себя чужую одежду и покрасовавшись в ней перед зеркалом, даже обладая богатым воображением, военным, а тем более офицером не станешь никогда. Для такого превращения одного банального переодевания в обмундирование, пусть даже идеально подходящего по размеру и фигуре, недостаточно. Этой жизнью надо жить долгие годы и сначала учиться военному делу настоящим образом, постигая азы науки побеждать и вырабатывая необходимые навыки и умения. Надо не только упаковать себя в новую униформу, но и окунуться с головой в повседневный быт курсантской жизни. Надо не только овладеть теорией, но и с практикой сначала курсантской, а затем и офицерской жизни, где с каждой успешно пройденной ступенью неминуемо следует вознаграждение в виде нового воинского звания, либо новой, более высокой долж-

ности, либо того и другого одновременно. Таковой была закономерность, таковой она оставалась и в последующие годы. Такая система ковала кадры, которые не без самоотречения несли службу на всей территории необъятной Отчизны, далеко простирающей свои рубежи с юга на север и с запада на восток. А потому в каждом населённом пункте всегда можно встретить подтянутых мужчин спортивного телосложения в униформе одинакового зелёного цвета, а в праздничные дни – в одинаковой парадной форме одежды цвета морской волны.

К такой касте голубой крови и белой кости принадлежал старший лейтенант Воронов, заступивший в наряд по установленному в штабе графику дежурств. Сегодня в его распоряжение было вверено командование воинской частью, а потому молодой офицер ответственно приступил к исполнению возложенных на него служебных обязанностей. Перво-наперво строго по внутреннему распорядку в восемнадцать часов на сером плацу был проведён развод суточного наряда.

Старший лейтенант заступал дежурным по части второй раз, так как до этого ему приходилось довольствоваться только должностью помощника дежурного, а потому с особой тщательностью проверил и внешний вид военнослужащих, и знание ими статей устава внутренней службы, которые сам давно уже выучил наизусть.

– Дневальный по роте назначается из числа солдат. Оче-

редной дневальной по роте выставляется внутри казарменного помещения у входной двери вблизи комнаты для хранения оружия. Он отвечает... – и тут экзаменуемый доказывал свою состоятельность и готовность к несению дежурства.

За ним неизменно следовал другой испытуемый, затем держал ответ третий. Когда с вопросами, предназначенными для рядовых, было покончено, новый дежурный по части перешёл к проверке знаний устава внутренней службы сержантским составом, который во всеоружии своей теоретической и практической подготовки, а также полученного опыта готовился к заступлению дежурными по ротам.

«Этих надо проверить с особой тщательностью», – подумал старший лейтенант и перешёл к скрупулёзной проверке знаний сержантами буквы закона, понимая, что в руки этих мальчишек на целые сутки переходят бразды правления всем воинским коллективом, а заодно и ответственность за оружие личного состава, находящегося в оружейных комнатах вместе с боеприпасами.

Когда с проверкой было покончено, старший лейтенант отдал приказ подчинённому личному составу следовать в свои подразделения, а сам направился в комнату дежурного по части, чтобы сменить с дежурства того, кто уже жаждал сменщика и жаждал поскорее передать вместе с сейфом с пистолетами и патронами красную повязку с надписью «Дежурный по части».

– А я уж думал, что заступлю на вторые сутки, – попытал-

ся пошутить, дождавшийся смены, майор Филиппов, большой шутник и балагур, относившийся к категории людей, без которых этот мир был бы намного скучнее и неинтереснее. В мире вокруг было бы слишком много серой краски, и даже нацепленные на нос розовые очки не смогли бы раскрасить его в яркие радужные цвета.

А ещё майор Филиппов являлся начальником физподготовки и спорта и, несмотря на почтенный по меркам военнослужащих возраст, был бодр и подтянут и мог запросто выполнить нормы ВСК по всем дисциплинам, посрамив молодых и никчёмных лоботрясов, которые даже подтянуться не могли ни разу на перекладине.

– Ты вот что, Сергей, считай пистолеты, проверяй всё, делай запись в журнале и давай сменяться, – предложил майор, затем налил себе из графина полстакана воды и залпом всю её проглотил.

– Хорошо, постараюсь побыстрее, – пообещал старший лейтенант и распахнул массивные двери железного сейфа с пистолетами, в котором каждая боевая единица находилась в собственной индивидуальной ячейке, была придиричливо вычищена от гари и грязи и тщательно смазана, дабы не подвергаться ржавчине и коррозии.

Тем временем майор Филиппов, чтобы не мешать, вышел на ступени крыльца, где к нему присоединились несколько офицеров, как раз собиравшихся по домам, и стал эмоционально рассказывать историю о том, как прошло сегодняш-

нее дежурство, в красках описывая самые щекотливые моменты, и уже через минуту раздался дружный смех.

«Ещё раз так заржёте, и я собьюсь со счёта, – подумал Воронов, – и придётся пистолеты пересчитывать снова», – и старший лейтенант постарался сосредоточиться и больше не отвлекаться.

К чести сказать, со счёта он не сбился, а потому, закончив проверку содержимого железного сейфа, захлопнул дверцу, закрыл на ключ и опечатал. Теперь осталось дожидаться докладов из подразделений, после чего смело можно будет докладывать командиру о приёме дежурства.

Филиппов же тем временем вместе со всем балаганом ротозеев и любителей повеселиться, который успел собрать вокруг себя, переместился вовнутрь, где было тепло, и здесь продолжил излагать свой опус о сегодняшнем дежурстве.

«И что здесь смешного?» – чуть не высказался вслух старший лейтенант, которому стала надоедать вся эта гогочущая публика.

Майор это заметил и тут же спросил:

– Чего грустишь? На дежурство настраиваешься? Всё будет нормально.

И действительно, как по заказу, начались доклады из подразделений.

– Кажется, все, – резюмировал Воронов. – Можем сменяться.

– Ну, вот и всё, а ты боялся, – произнёс майор, снял крас-

ную повязку со своего рукава и тут же предложил свою помощь старлею. – Давай, помогу нацепить.

– Давай, – согласился тот, подставляя руку.

– Дежурный, – вдруг раздалось в динамиках громкоговорящей связи, – командир у вас?

– А ну, тихо! – майор пригрозил всем, находившимся в помещении, и те превратились в слух.

Убедившись, что шалить ему никто не мешает, майор Филиппов нажал на клавишу пульта и, в точности копируя голос командира части, произнёс:

– Слушаю!

– Товарищ полковник, это подполковник Пичагин, – представился офицер. – Разрешите коротко доложить об итогах проверки командного пункта?

– Почему же коротко? – уточнил голосом командира вошедший в образ майор. – Давай уж со всеми подробностями. И не спеши: я записывать буду.

На том конце провода возражать не стали, хотя интонация докладчика, особенно в начале бесславной речи, говорила об искреннем удивлении. Пичагин-то явно хотел отчитаться поскорее и убыть домой, где его дожидалась в холодильнике припасённая бутылка свежего пива. Обычно доклады по громкой связи занимали не более пяти минут, да и то только в том случае, если у командира возникали вопросы. Полный же доклад, которого потребовало высокое начальство, мог занять минут двадцать, причём при условии, что

дополнительных вопросов не найдётся. Подполковнику стало грустно, но делать, как видно, было нечего, и он приступил к докладу со всеми подробностями. В рапорте были перечислены все пункты проверки и отмечены обнаруженные недостатки, которые следовало устранить в ближайшее время. В ходе своего монолога подполковник начисто забыл про негативные эмоции, посетившие его в начале повествования и по-деловому сосредоточился на содержании, чтобы у командира вопросов не появилось и вовсе. Жаль только, что не видел Пичагин, как в комнате дежурного валялись от смеха те, кто оказался свидетелем жестокого розыгрыша.

А Филиппов забавлялся дальше, усевшись на стул напротив селектора, и полностью, даже в малейших жестах и мимике, пародировал командира части.

– Филиппыч, – кто-то из офицеров с трудом произнёс сквозь смех, – тебе в цирке выступать надо. Там после тебя клоунам делать нечего.

– Цыц! – пригрозил майор публике, и все разом затихли в ожидании развязки, которая наступила ещё минут через пять, когда уставший от доклада подполковник наконец завершил свою речь.

– Какие будут указания, товарищ полковник? – спросил селектор голосом Пичагина, и в комнате дежурного все набрали воздуха в лёгкие.

– Ну, какие тут могут быть указания? – всё тем же голосом главного лица боевой воинской части переспросил майор и,

выдержав законную паузу, весело добавил. – Дежурь дальше, бестолковка.

Комната дежурного мгновенно взорвалась от дружного смеха несчастных свидетелей невинной забавы доброго комика в майорских погонах. От смеха в тесном помещении дрожало всё: и мебель, и часы с кукушкой, и окна, и стены, и пол, и даже сейф с пистолетами. Этот смех мгновенно пролетел по проводам, по влажному лесному воздуху и по земле и постучался в голову недавнего докладчика, который сначала покраснел от ярости, потом позеленел от злости и почерневшими губами выдавил в громкоговоритель:

– Филиппыч, урод, я тебя поймаю сегодня же и убью!

– Если дотянешься, – парировал майор. – Женя, дваноль, – тем самым напоминая общий счёт их дуэли, ведь все вокруг помнили, что ровно неделю назад тот же Филиппов точно так же разыграл того же Пичагина, который радостно докладывал о смене с дежурства на командном пункте.

– Ну вот, теперь можно с чистой совестью и чувством выполненного долга идти домой спать, – констатировал майор. – День прожит не зря, ведь мы позабавились на славу.

Филиппыч на прощание пожал руку старшему лейтенанту и, пожелав ему спокойного дежурства, увёл за собой в сторону жилых домов косяк ротозеев и преданных почитателей своего таланта. А ещё минут через десять в дежурку зашёл командир части, который и принял доклад у расстроенного и рассерженного подполковника Пичагина. После этого до-

клада командир части не стал долго засиживаться в комнате дежурного, тем более что, как показывала практика взаимоотношений, полковник Томчак не очень-то любил вести задушевные беседы с младшим офицерским составом. Вот и этот конкретный случай не был исключением из правил, тем более что старший лейтенант служил в этой части, что говорится, без году неделя, а потому не мог рассчитывать даже на толику простых человеческих отношений со стороны сурового командира. Томчак ещё немного молча посидел перед громкоговорителем, очевидно размышляя о чём-то своём, а потом поднялся и так же молча вышел из комнаты дежурного и проследовал в сторону жилого городка, миновав КПП и выскочивший ему навстречу для приветствия наряд.

– Ну что, ушёл? – спросил у дежурного его помощник прапорщик Смилка, появившийся словно бы ниоткуда.

– Ушёл, – подтвердил старший лейтенант и кивнул головой. – Ты вот что, садись на моё место и руководи процессом, а я пойду в столовую контролировать приём пищи. Да, и вот что, ты фуражку-то поправь, а то она у тебя чёрт знает, как надета. Вот зеркало перед тобой.

На выходе из дежурки Воронов нос к носу столкнулся с подполковником Пичагиным, который сходу уточнил:

– Филиппов здесь?

– Нет, ушёл, – констатировал старший лейтенант.

– Жаль. А то бы я этому пародисту фейс отрихтовал, – немного сожалея, произнёс подполковник. – Давно мерзавец

напрашивается на неприятность. Но ничего, будет и на нашей улице праздник, вот посмотришь. А ты куда? На ужин? И я с тобой пойду, проветрюсь, а то целый день на КП. Думал, с ума сойду от сегодняшней проверки. А тут ещё этот шутник. Я ведь его и правда за командира принял. По громкой голос так и вовсе не отличить: как будто бы сам Томчак с тобой разговаривает. Я даже вспотел от волнения, а потом этого гада прибить захотел, да он вовремя сбежал.

Всю эту тираду подполковник успел выпалить, не пройдя вместе с дежурным и десяти шагов; и когда до угла казармы оставалось всего ничего, его окликнул женский голос:

– Женя, а ты куда?

– Вот чёрт. Вычислила, – тихо сказал Пичагин и повернулся на голос.

– А я за тобой, – произнесла женщина. – Ты же сегодня даже не обедал. Или ты сыт?

– Жена, – пояснил подполковник. – Придётся менять планы и идти домой, – пожаловался он старшему лейтенанту. – Счастливого тебе дежурства.

– Спасибо, – поблагодарил старлей и пожал руку подполковнику.

Ему немного жаль было этого офицера, потому что по достоверным слухам жена Пичагина была страшно ревнивой и закатывала мужу скандалы с завидной периодичностью, хотя найти объяснение её волнениям было можно: Женя Пичагин считался красавцем. Высокий, широкоплечий, подтя-

нутый, он очень импонировал женскому полу, и дамы на него заглядывались, особенно холостые и разведённые, которых в военном городке хватало. Этого чрезмерного внимания и опасалась, по всей видимости, законная супруга, а потому держала нос по ветру и пресекала всяческие попытки претенденток, обделённых мужским вниманием, охмурить свою вторую половинку. Вот и сейчас она прошла на территорию части и, завидев своего драгоценного в серой шинели с подполковничьими погонами, туго опоясанного португеей, решила немедленно забрать домой, пока в его голове, периодически посещаемой свободолюбивыми мыслями, не созрела идея сходить налево, да забыться в объятиях какой-нибудь наглой особы, иными словами, ведьмы в невинном женском облики, которая очень рада будет заполучить такой элитный экземпляр состоявшегося во всех отношениях мужика.

– Пойдём, пойдём, дорогой, – заявила повеселевшая супруга, взяв под руку своё сокровище. – Я тебя ужином накормлю, а может, и ещё чем-нибудь на десерт.

Пичагин хотел что-либо придумать на ходу, дабы избавиться от столь пристального внимания, наврать, что, мол, командир ждёт, но не успел, потому что и тут Лариса опередила, по-деловому сообщив:

– А я только что Николая Ивановича встретила. Он как раз домой направлялся. Между прочим, это он надоумил тебя здесь перехватить. Сказал мне, что ты вот-вот явишься

и что на сегодня ты ему больше не нужен. Так я и поспешила на КПП и тут вижу: ты идёшь. Вот спасибо командиру.

У Жени Пичагина был вид растерявшегося школьника, собиравшегося, но не успевшего набедокурить. Ему пришлось вернуться к первоначальному плану тихого вечера с бутылкой свежего холодного пива в тесном семейном кругу, а потому он торжественно позволил взять себя под руку. Так они и пошли, изображая примерную чету, в сторону жилых домов, мрачных серых пятиэтажных бетонных коробок, где с момента постройки сменилось уже несколько поколений жильцов.

Контингент блочных домов периодически менялся, ведь на смену тем, кто убывал к новому месту службы, приезжали новые офицеры со своими семьями и сразу же селились на освобождаемой жилплощади. Появившихся в военном городке холостяков по традиции встречало офицерское общежитие, в котором новых персонажей, как правило, бывало больше, особенно в конце лета, когда выпускники военных училищ добирались до своего первого места службы в новом качестве, сменив курсантские погоны на лейтенантские с двумя маленькими золотыми звёздочками на каждом.

Женя Пичагин в своё время был одним из таких же новичков, пополнившим стройные ряды обитателей этого здания, а потому очень хорошо помнил и старое офицерское общежитие, и царивший в нём дух свободы и отсутствия обязательств. Каждый раз, проходя мимо родной некогда общаги,

он бросал на маленькое здание торопливый взгляд и тут же отводил глаза в сторону, потому что в памяти обязательно всплывали яркие картины канувших в небытие лейтенантских приключений. Женился-то он только на третьем году службы, как раз тогда, когда получил новое офицерское звание, а вместе с ним и новую должность. С приехавшей к нему теперь уже насовсем молодой женой Ларисой он поселился на третьем этаже блочной пятиэтажки в однокомнатной квартире, как назло выходявшей своими окнами на общагу. А так как здания стояли в непосредственной близости друг от друга, то через незадёрнутые шторы можно было наблюдать за всем происходящим у соседей. И всё бы ничего, если ты не имеешь и не имел никогда отношения ни к людям, живущим в домике напротив, ни к их весёлым гостям, а точнее – гостьям. Женя же совсем недавно имел самое прямое отношение ко всем процессам и тайным, и явным, его там знали и любили, и поэтому такое соседство частенько оборачивалось конфузом, особенно когда какая-либо из находившихся в гостях несдержанных молодых леди вдруг замечала Пичагина в доме напротив. В лучшем случае дамы издали махали ручкой, приветствуя своего бывшего кавалера, а в худшем так и вовсе совершали безумные попытки добиться аудиенции с целью выяснить отношения и разжечь погасшее чувство любви в некстати занятом сердце, после чего в квартире у старшего лейтенанта случался скандал, устроенный не в меру вспыльчивой супругой. Женя клялся Ла-

рисе в верности, заверял её в том, что дамочка явно ошиблась и с кем-то его спутала, а наутро выуживал из почтового ящика письмо от своей пламенной воздыхательницы, которая умоляла его бросить всё, включая супругу, и вернуться к той, которая по-настоящему его любит и ждёт, примет любым и даже простит женитьбу на другой. Но Женя стойко держался, тем более что вскоре жена родила ему двух дочерей.

А потом все бывшие гости куда-то исчезли и больше не появлялись ни в общежитии, ни вообще на территории военного городка. Вероятнее всего тоже стали чьей-то половинкой, а потому потеряли живой интерес к тому, кто перестал отвечать взаимностью на пламенные чувства. Как пелось в знакомой песне:

– Всё пройдёт: и печаль, и радость...

Вот и эти события прошли, растаяв, как дым, и только память время от времени воскрешала воспоминания юной поры и бередила ими растревоженную душу. В такие минуты Женя хотел побыть в компании какого-нибудь молодого офицера и просто поговорить даже неважно, о чём. Сегодня его такой возможности лишили, нарушив тем самым планы и изменив программу действий.

Этих уникальных подробностей старший лейтенант Воронов конечно же не знал, да и как он мог знать, если подполковник ни с ним, ни с кем бы то ни было ещё никогда ими не делился? Зато старлей лично слышал от солдат, что

они по-настоящему уважают подполковника, считая его образцом офицерского корпуса. Такая характеристика из уст непосредственных подчинённых говорила о многом и делала честь этому офицеру. Воронов не знал ещё тогда, что и его самого считают настоящим, честным и справедливым, что он тоже пользуется уважением и заслуженным авторитетом среди подчинённых. А ещё любой из солдат и сержантов считает за честь общаться со старшим лейтенантом, который уникален и с которым интересно. Воронов чувствовал, что люди к нему тянутся, но никогда этим не кичился и, уж тем более, не использовал выказанного доверия в корыстных целях.

Такие качества высоко ценятся в той специфической среде, которой является воинский коллектив. Здесь невозможно укрыться от сотен пытливых глаз, которые наблюдают за твоими действиями денно и нощно, здесь невозможно хитрить и обманывать, здесь невозможно быть нечестным, потому что любая хитрость будет непременно разоблачена, а обман обязательно раскрыт. Зато здесь очень ценятся твёрдость и надёжность. И недаром о надёжном и проверенном товарище, на кого можно всецело положиться, говорят, что с ним любой пошёл бы в разведку. Так вот со старшим лейтенантом Вороновым в разведку пошёл бы каждый.

Старший лейтенант пересёк по диагонали серый плац и вышел к ступеням крыльца солдатской столовой, на котором у самой двери, облачённый в белый халат, натянутый прямо на китель, дожидался личного состава дежурный

по столовой прапорщик Желудков – большой любитель рыбной ловли. Если бы можно было охарактеризовать человека, лишь только описывая его хобби, стремления, страсти, в конце концов, и, основываясь на этих характеристиках, выразить свои чувства знаковым выражением, то к этому персонажу лучшего словосочетания, чем заядлый рыбак, было бы просто не сыскать. Дело в том, что в части, куда чуть больше года назад прибыл старший лейтенант, служили два Желудковых, два родных брата. Они оба были прапорщиками, а тот, который сегодня заступил в наряд по столовой, был старшим, правда ненадолго, всего на пару часов, однако на правах ранее рождённого он и вёл себя соответственно, называя в сердцах младшего брата всякими нехорошими словами, и больше всего Желудков-старший поносил родственника за его нелюбовь к рыбалке.

Про рыбную ловлю и её особенности в здешних местах он мог говорить часами, подробно рассказывая о том, как надо рыбачить в окрестных водоёмах. Рыбные места он очень хорошо знал, однако самые клёвые никому не выдавал, и только увлечённо рассказывал о своём улове. Воронову уже как-то раз пришлось выслушать лекцию рыбака-профессионала, а потому в его голове сложилась довольно стройная картинка, характеризующая рассказчика.

Обращаться по имени к старшему лейтенанту Желудков почему-то не мог, а потому как-то неудало предложил снять пробу предстоящего ужина.

– Я понял, спасибо, – поблагодарил офицер, прошёл в столовую и сел за стол, куда и был подан ужин.

Прапорщик примостился на соседнем стуле и, сославшись на то, что лично он уже пробу снял, стал рассказывать, как буквально позавчера на ближайшем озере вместе с братом ловил рыбу.

– Лучше бы я этого клоуна с собой не брал, – приговаривал Желудков-старший во время своего эмоционального повествования. – Лучше бы я этого засранца оставил дома или отправил в лес за грибами. Я ему говорю: смотри, клюёт. А этот болван мало того, что проспал поклёвку, так ещё и леску порвал. Видишь ли, крючок у него за корягу зацепился. Пока он к леске новый крючок привязывал, я успел две рыбины на килограмм каждую вытащить вот такие, – и довольный рассказчик развёл руками, показывая, каких размеров был улов.

Дальше старший из братьев разошёлся не на шутку и стал назидательно поучать старлея, как надо правильно вываживать попавшуюся на крючок рыбину, чтобы та ненароком не сорвалась и не убралась назад в камышовые заросли.

Тем временем старший лейтенант закончил трапезу и попросил книгу для записи отзывов о качестве приготовленной пищи. Сегодня ужин удался на славу: и пюре не растекалось по тарелке, и рыба не была пережарена, а потому Воронов аккуратно ровным почерком записал, что качеством приготовленного ужина доволен, после чего вышел на крыльцо

на свежий воздух встречать личный состав, который через несколько минут должен был подойти к столовой.

Прапорщик машинально проследовал за ним, откровенно сожалея о том, что ему не предоставили возможность как следует поговорить о тонкостях рыбной ловли хотя бы ещё немного, а потом подоспевший к ужину личный состав и вообще вынудил закрыть эту тему и отложить собственные рассуждения до лучшей поры, когда и времени будет побольше, да и слушатель попадётся благодарный и терпеливый, готовый всецело воспринимать передаваемую информацию. Правда, в последнее время таких не находилось и вообще, а старожилам военного городка и тем немногим знакомым, которые поддерживали контакт с Желудковым-старшим, его поучительные рассказы надоели, как минимум, несколько лет назад. Вот и мучился бедняга, не находя достойного собеседника и, как следствие, выхода скопившимся знаниям, откровенно по-детски радуясь редким слушателям рыбацких баек.

– Драган идёт, – сообщил Желудков старшему лейтенанту, кивнув в сторону плаца. – Что-то зачастил он к нам в гости в последнее время. Такое ощущение, что жить без солдатской столовой не может, – пожаловался прапорщик дежурному по части. – Сейчас начнёт сыпать ценные указания, петух гамбургский.

– Так, может быть, он порядок хочет навести? – спросил сталея у прапорщика.

– А как же! Порядок! – прошипел Желудков-старший. – Да после его визитов корвалол впору принимать.

– Нельзя так про начальство, тем более непосредственное, – съязвил старший лейтенант и, пока Драган не слышал, продолжил. – Он же отец вам родной. Заботится о вас, грешных.

– В гробу я видел такого отца, – не сдержался прапорщик. – Только и может, что закладывать всех без разбору. Его, наверное, всё детство били сверстники, но, как видно, не помогло.

Тут прапорщик вынужден был замолчать, потому что подполковник Драган ступил на крыльцо и мог бы услышать крамольную речь. И на самом деле подполковника Драгана, начальника тыла части, личный состав, мягко говоря, недолюбливал, особенно за его склонность докладывать обо всём командиру. В обиходе склонность ябедничать окрестили понятием закладывать, вот и получалось, что закладывал подполковник всех и вся по поводу и без, даже не разбираясь в нюансах.

– Ну, пойдем посмотрим, как приём пищи организован, – предложил подполковник и первым вошёл в столовую, попутно делая замечания:

– Ну вот, а стены здесь так и не отмыли, пол грязный. Я говорил уже, что надо заменить клеёнку на столе дежурного по части. А швабра что здесь делает? Так, почему в столовой шумно? Желудков, тебе надо не на свежем воздухе про-

хлаждаться, а находиться в столовой, следить за порядком, да и вообще быть на подхвате. А личный состав дежурный по части встретит, ведь это его прерогатива.

Сергей ещё какое-то время, во всяком случае, пока шёл ужин, лицезрел этих двух персонажей вместе: подполковника Драгана с его придирчивыми распоряжениями и его подчинённого прапорщика Желудкова-старшего с налившимися, как у быка на корриде, кровью глазами и позеленевшим от злости лицом, не смевшего перебить своего шефа и перечить ему. А когда ужин, наконец, закончился, подполковник исчез с глаз долой, предоставив шанс для успокоения всей дежурной службе, да и всему личному составу.

Потом закономерно состоялись вечерняя прогулка, вечерняя поверка по подразделениям, а также обязательные доклады дежурных по ротам и долгожданный отбой, поставивший жирную точку в конце суетливого дня. Проверка караула не принесла беспокойства, разве что пришлось прогуляться на самую дальнюю позицию. Но всё было нормально, и оставалось выдержать только ночное дежурство, когда смертельно хочется спать, а спать нельзя, не положено по уставу. Вот только молодой организм этого не приемлет, а потому переживает самый настоящий стресс, всерьёз не понимая, почему и за какие такие прегрешения его заставляют бодрствовать, всматриваясь во все глаза в непроглядную чёрную ночь со звёздным небом, раскинувшимся от горизонта и до горизонта.

Сергея во время дежурства бесило то обстоятельство, что комната дежурного по части со всем нехитрым инвентарём, мебелью, часами с кукушкой, железным сейфом с пистолетами и металлическими решётками на окнах напоминала самый обыкновенный аквариум, просматриваемый со всех сторон насквозь. Дело в том, что три стены этого грандиозного по замыслу сооружения, не считая четвёртой, глухой, имели шесть огромных окон, и кто бы ни находился внутри помещения, чувствовал себя как на подиуме, не имея ни малейшей возможности укрыться от любопытных глаз. Командира части, а вместе с ним и всех проверяющих это обстоятельство несколько не смущало, а напротив, вполне устраивало, ведь они без напряжения и усилий могли наблюдать даже издали за всеми действиями дежурного. Вот только дежурившим здесь офицерам это обстоятельство оптимизма не прибавляло, а напротив, заставляло нервничать, и проверяющие тут были ни при чём. Да и чёрт с ними, со всеми этими проверяющими, потому что устно высказанные и даже отражённые в рапорте замечания беды не несут и со временем забываются. Волновать могло и действительно волновало другое – это то, что дежуривший офицер в комнате дежурного по части был как на ладони для возможных злоумышленников, которые вдруг пожелали бы завладеть оружием, тем более, когда тут его целый сейф.

Чтобы не испытывать судьбу, старший лейтенант поставил стул вплотную к глухой стене и, выключив свет, уселся

на него. Расположение в этом месте при погашенных лампах сделало его невидимым для посторонних глаз, зато местность вокруг дежурки вместе с опушкой леса, подступавшего к самым воротам части, просматривалась идеально. В общем, в случае грандиозного шухера или запланированного нападения был шанс не только уцелеть, но и оказать достойное сопротивление, основывающееся на опыте и профессионализме. Во всяком случае, если бы злоумышленники оказались дилетантами, то шанс уцелеть в условиях кромешной темноты, а заодно ухлопать нападавших увеличивался на порядок. О гневе вышестоящих чинов старший лейтенант как-то даже и не задумывался, справедливо полагая, что в случае вопросов, даст разумный ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.